

Г Л А В А XI.

Мокотовскій бивуакъ и отступленіе въ Россію.

Сборъ русскихъ войскъ на Мокотовской позиціи.—Энергическое предложеніе генераловъ Герштенцвейга и Данненберга. — Лукавыя увѣренія польскихъ адъютантовъ Цесаревича. — Жизнь на бивуакѣ.—Польская депутація.—Причины нашего отступленія.—Мужественный поступокъ трехъ командировъ пѣшаго резерва въ Модлинѣ.—Трудный походъ въ Россію.—Бѣловѣжская пушча и стоянка въ Свислочи. — Приключенія юнкера Улана и корнета барона Ренне 1-го.

Утромъ прибыли на бивуакъ Лейбъ-Гвардіи Литовскій и Волынскій полки, сдѣлавшіе обходъ вокругъ городскаго вала. Оба командира этихъ полковъ были въ плѣну. Вскорѣ прибылъ генералъ Корфъ изъ Гуръ съ гвардейскою батареею ротой № 5-го, а къ вечеру прискакалъ полковникъ Гербель изъ Скерневицъ со своею конною батареею и, наконецъ, на разсвѣтѣ 19-го числа поручикъ Максимовичъ привелъ учебный баталіонъ Литовскаго корпуса изъ Блони. Такимъ образомъ, всѣ части русскаго отряда благополучно соединились на Мокотовскомъ бивуакѣ. Здѣсь же стояло и пять ротъ гвардейскихъ польскихъ гренадеръ, которыя генералъ Ямирскій успѣлъ на нѣкоторое время удержать въ границахъ воинскаго долга. Генералы Герштенцвейгъ и Данненбергъ убѣждали Великаго Князя дозволить имъ силою оружія смирить взбунтовавшійся народъ; Герштенцвейгъ головой ручался, что чрезъ четыре часа въ Варшавѣ все будетъ спокойно; но адъю-

тантъ Великаго Князя Владиславъ Замойскій и нѣкоторые другіе изъ поляковъ, соблюдавшихъ до времени личину вѣрности, всячески старались противудѣйствовать убѣжденіямъ двухъ русскихъ генераловъ и представляли Его Высочеству, будто «все смятеніе произошло отъ ошибочнаго мнѣнія народа и войска, что русскіе первыми напали на поляковъ и рѣжутъ ихъ, и для того чтобы укротить ихъ, лучше всего невмѣшательствомъ русскихъ доказать имъ неосновательность этой клеветы» ¹⁾. Цесаревичъ, все еще продолжая вѣрить окружавшимъ его немногимъ полякамъ, склонился на ихъ лукавыя представленія и рѣшилъ, что русскія войска останутся совершенно безучастны въ борьбѣ, потому что, какъ выразился онъ, — «русскимъ нечего дѣлать въ польской дракѣ». Онъ повторялъ, что такъ какъ вся администрація края въ рукахъ у польскихъ властей, и онъ въ нее никогда не вмѣшивался, то и надѣется на благоразуміе этихъ властей и увѣренъ, что онѣ сами съумѣютъ унять бунтовщиковъ ²⁾.

Между тѣмъ войска стояли на Мокотовской позиціи. Артиллерія была выдвинута впередъ, ведеты окружали все поле; разѣзды постоянно направлялись къ Варшавѣ и во все стороны. Все находилось въ безпокойномъ ожиданіи. Вѣсти изъ города приходили все мрачныя, неутѣшительныя: тамъ все еще продолжались неистовства черни и демагоговъ; жилища русскихъ офицеровъ и чиновниковъ были разграблены, многіе изъ нихъ и изъ поляковъ, а въ особенности еврей, заплатились жизнью. Мы ежеминутно ожидали нападенія. Польскія роты, приведенныя Жимирскимъ, глядѣли болѣе чѣмъ сомнительно, и присутствіе ихъ въ средѣ русскаго отряда, въ случаѣ нападенія изъ Варшавы, становилось далеко не безопаснымъ. Между тѣмъ бездѣйствіе съ нашей стороны и томительная неизвѣстность усугубля-

¹⁾ Колзаковъ (стр. 605), Максимовичъ и Ф. Смитъ (стр. 149).

²⁾ Ibid.

ли общее безпокойство. Русскіе полки вышли по тревогѣ, какъ на простое ученье: патроны, и все вообще снаряженіе остались въ цѣихгаузахъ и казармахъ. Безъ теплоі одежды и обуви, безъ хлѣба и съѣстныхъ припасовъ, безъ фуражнаго довольствія, безъ медицинскихъ средствъ для заболѣвающихъ, въ суровую пору года, оставаясь въ теченіи почти четырехъ сутокъ на голоі землѣ и подъ открытымъ небомъ, отрядъ нашъ терпѣлъ всевозможныя лишения и бѣдствія. Съ трудомъ можно было достать дровъ, чтобъ развести костеръ; съ помощью покупокъ и реквизиціи у окрестныхъ помѣщиковъ и евреевъ кое-какъ добывали еще нѣсколько скота на убой, но въ хлѣбѣ ощущался страшный недостатокъ; соли же и вовсе не было. Ъли одну полусырую говядину. Подѣливъ между собою порціи, пѣхотинецъ, бывало, наткалъ кусокъ на штыкъ, а кавалеристъ на саблю, и поджаривали его на кострѣ. Вода была болотная, такъ что и кони шли ее неохотно, не говоря уже о людяхъ. Овса и сѣна не было и въ поминѣ, а росъ неподалеку низенькій сльникъ. Кавалеристы, бывало, наломаютъ его вѣтвей, пскрошатъ ихъ саблями и даютъ лошадямъ. Такъ и питались наши кони всѣ четверо сутокъ однимъ лишь рубленнымъ сльникомъ ¹⁾.

Въ Варшавѣ межъ тѣмъ составилось новое временное правительство, членовъ котораго весьма безпокоила близость русскихъ войскъ, и потому, въ видахъ безпренятственнаго развитія революціи, они желали скорѣйшаго ихъ удаленія. 21-го ноября явилась изъ Варшавы въ Вержбу депутація, между членами коеі были Адамъ Чарторыйскій и Лелевель. Съ революціонными кокардами на конфедераткахъ, они явились къ Великому Князю для переговоровъ. Цесаревичъ, казавшійся очень спокойнымъ и говорившій весьма немного, не сдавался ни на какіе компромиссы и требовалъ безусловной покорности

¹⁾ Изъ рассказовъ В. Д. Лобанова.

Государю, обѣщая предстательствовать предъ Его Величествомъ за виновныхъ.—«Здѣсь нѣтъ никого виновныхъ!» запальчиво и грубо возразилъ на это графъ Островскій и надѣлъ предъ Цесаревичемъ свою шапку. Это было послѣднее оскорбленіе, нанесенное Великому Князю, который послѣ него прекратилъ всякія объясненія, и депутаты удалились въ своей четверомѣстной колымагѣ, на козлахъ которой лежалъ огромный узелъ, наполненный польскими національными кокардами для свиты Великаго Князя, на случай если бы Его Высочество согласился принять титулъ короля польскаго.

Съ этой минуты Цесаревичъ уже ясно увидѣлъ, что нечего болѣе надѣяться на добрыя чувства и благоразуміе поляковъ. Во избѣжаніе кровопролитія, оставалось только удалиться въ предѣлы Россіи и предоставить Польшу ея собственной роковой судьбѣ. Да и положеніе малочисленнаго отряда среди цѣлой мятежной арміи и края, охваченнаго заранѣе подготовленнымъ возстаніемъ, было крайне рисковано: русскіе могли быть безцѣльно истреблены или принуждены къ сдачѣ, и тогда заносчивая наглость польскихъ притязаній уже не знала бы ни мѣры, ни предѣловъ. Видя теперь повсюду коварство и измѣну со стороны польскихъ военачальниковъ, и видя явно враждебное настроеніе конныхъ егерей и гренадерскихъ ротъ Жимирскаго, которыя такъ и порывались въ городъ, Цесаревичъ, желавшій избавить ихъ отъ позора явной измѣны, послалъ къ нимъ чрезъ своего адъютанта Замойскаго письменное дозволеніе возвратиться въ Варшаву. Такъ покинули его и послѣднія войска польскія...

Отпустивъ ихъ, Его Высочество съ особеннымъ прискорбіемъ выражалъ русскимъ начальникамъ свое горькое чувство по поводу невѣрности польскихъ войскъ, а болѣе «Чвартаконковъ» и саперовъ, которые предпочтительно предъ всѣми другими полками пользовались его милостями и отблагодарили за нихъ тѣмъ, что первые же измѣнили ему. — «Они доказали

миѣ, что слово *благодарность* есть пустой звукъ!» воскликнулъ онъ въ глубокомъ волненіи ¹⁾). Но не менѣе глубоко былъ оскорбленъ Цесаревичъ и вѣроломствомъ любимица своего, флигель-адъютанта полковника Шембека, командира 1-го Егерскаго полка, коего Шефомъ былъ Государь Императоръ. Шембекъ пріѣхавъ въ Вержбу, обнималъ и цѣловалъ плечо Цесаревича и брался уговорить польскія войска вернуться къ обязанностямъ долга и присяги, а чуть лишь выбрался за русскіе аванпосты, какъ первый же воззвалъ къ мятежу свой полкъ, приведенный имъ изъ Сохачева, и егерскія роты, стоявшія нашимъ авангардомъ въ Уяздовскоіи аллеѣ, и во главѣ ихъ вступилъ въ Варшаву, распѣвая «Еще Польша не сгинула».

По удаленіи варшавскоіи депутаціи, Его Высочество тотчасъ же отдалъ приказъ русскому отряду—немедленно сниматься съ бивуака. Только въ эту минуту нашимъ войскамъ стало положительнымъ образомъ извѣстно, что Цесаревичъ принялъ рѣшеніе пробиваться въ предѣлы Имперіи. Предпріятіе это, повидимому, было исполнено многихъ препятствій: между горстью русскихъ и Россіею находилась Висла, и для поляковъ не было ничего легче, какъ воспрепятствовать переходу отряда чрезъ эту большую рѣку; надлежало идти по враждебному краю, среди враждебныхъ войскъ, безъ обозовъ и запасовъ и почти безъ всякихъ боевыхъ и денежныхъ средствъ. Тѣмъ не менѣе, Великій Князь не упалъ духомъ. Онъ послалъ временному правительству письмо, гдѣ выражалъ надежду, что не встрѣтитъ препятствій въ своемъ обратномъ пути и въ заключеніе поручалъ всѣ русскія общественныя учрежденія, частную собственность и безопасность отдѣльныхъ лицъ защитить и покровительству націи. Извѣстіе объ отступленіи русскихъ произвело въ Варшавѣ невыразимую радость и позволило озаботиться

¹⁾ Ф. Смитъ, стр. 179.

дѣльнѣйшими мѣрами къ упроченію возстанія. Рѣшено было тотчасъ же овладѣть Модлинскомъ, чтобы воспользоваться его военными запасами.

Пѣшіе резервы трехъ русскихъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ постоянно находились въ Модлинской крѣпости и ея форштатахъ, для содержанія тамъ карауловъ. Каждый полкъ ежемѣсячно отправлялъ туда трехъ субалтернъ-офицеровъ, на смѣну предшествовавшимъ, и одни только командиры этихъ резервныхъ эскадроновъ безсмѣнно пребывали въ Модлинѣ. На другой же день по отступленіи русскаго отряда, генералъ Хлопицкій, избранный диктаторомъ, послалъ къ Модлину баталіонъ пѣхоты и сорокъ волонтеровъ вмѣстѣ съ особыми комиссарами, которые были уполномочены потребовать безусловной сдачи крѣпости и обезоруженія русской части гарнизона. Нѣкто подпоручикъ Псарскій явился въ Модлинъ съ предварительнымъ извѣщеніемъ. Сознавая полную невозможность защищать крѣпость своими наличными силами, русскіе офицеры тѣмъ не менѣе съ негодованіемъ выслушали извѣстіе Псарскаго и единогласно объявили ему, что они не примутъ ни какого предложенія, оскорбительнаго для чести русскаго оружія, и что въ случаѣ крайности они твердо и окончательно рѣшились взорвать пороховой магазинъ и порохонить себя подъ его развалинами. Когда вслѣдъ за симъ прибыли комиссары, то нашли уже со стороны русскихъ все приготовленія ко взрыву и услышали отъ нихъ тотъ же твердый и достойный отвѣтъ. Все русскія части сгучились около пороховыхъ погребовъ, двери которыхъ были растворены, бочки раскрыты и фитили уже тлѣли въ рукахъ офицеровъ. Малѣйшее насиліе—и все это мгновенно взлетѣло бы на воздухъ. Такая грозная и безповоротная рѣшимость лучше всякихъ словъ убѣдила комиссаровъ въ необходимости оставить свои требованія. Русскіе не сдавались ни на какія убѣжденія, и только тогда рѣшились уступить крѣпость, когда имъ было предъявлено подлинное письмо Цесаревича,

23

гдѣ онъ извѣщалъ о своемъ возвращеніи съ войсками въ Россію и приказывалъ русскимъ эскадронамъ и артиллерійской командѣ выступить вслѣдъ за нимъ туда же ¹⁾. Но при этомъ офицеры наши согласились на свободный выходъ изъ крѣпости не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ и со всѣми военными почестями со стороны поляковъ, выговоривъ русскому гарнизону безопасное слѣдованіе съ полнымъ его имуществомъ до границъ Имперіи, въ сопровожденіи польскаго отряда. Тогда, обоюдно подписавъ капитуляцію, 25-го ноября, русскіе сдали Модлинъ тремъ соединившимся подъ нимъ баталіонамъ польской пѣхоты, и съ воинскими почестями выступили изъ крѣпости, слѣдуя чрезъ Пултускъ и Чижово до Цехановца, куда прибыли 11-го декабря. Граница была перейдена ими въ Устлугѣ, гдѣ чрезъ офицера, нарочно посланнаго къ Цесаревичу за приказаніями, было доставлено къ нимъ повелѣніе слѣдовать за отрядомъ къ своимъ полкамъ на зимнія квартиры.

Государь Императоръ, получивъ отъ Великаго Князя донесеніе объ этомъ мужественномъ поведеніи русскихъ офицеровъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: «принимая съ особеннымъ благоволеніемъ благоразумную твердость, мужество и неустрашимость, оказанныя при семъ происшествіи подполковникомъ Крахоткинымъ, ротмистрами Мазуркевичемъ и Кохановичемъ и штабсъ-ротмистромъ Докукинымъ, — произвестъ ихъ въ слѣдующіе чины, и о подвигѣ ихъ объявить по всему военному вѣдомству» ²⁾. Во исполненіе Высочайшей воли, приказъ о семъ былъ читанъ при собраніи нижнихъ чиновъ во всѣхъ эскадронахъ, ротахъ и батареяхъ всей русской гвардіи, арміи, внутренней стражи и флота.

¹⁾ В. Матвѣевъ, стр. 21.

²⁾ Приказъ по гвардейскому корпусу отъ 10-го января 1831 г., за № 4, § 2. (Арх. Штаба войскъ Гв. и Петерб. Окр.) Крахоткинъ командовалъ 1-ю полуротою 8-й гарнизонной артиллерійской бригады, Мазуркевичъ Подольскимъ кирасирскимъ, Кохановичъ Гродненскимъ гусарскимъ и Докукинъ Уланскимъ Цесаревича резервными эскадронами.

Снявшись съ Мокотовскаго бивуака, русскій варшавскій отрядъ направился вверхъ по Вислѣ, ближайшею къ берегу дорогою, и безпрепятственно переправился у Пулавъ, на парамахъ. Уланы переправлялись нѣсколько выше, у Казимержа. Отъ Пулавы путь отряда продолжался на Куровъ, на Любартовъ и далѣе къ Бресту. Въ походѣ маршрута не было, но самъ Цесаревичъ каждодневно дѣлалъ маршевую диспозицію. Шли съ военными предосторожностями, съ авангардомъ, при которомъ слѣдовалъ Великій Князь, и аррьергардомъ, находившимся подъ командою генерала Пенхержевскаго.

Походъ былъ однимъ изъ труднѣйшихъ. За отрядомъ не слѣдовало ни вьюковъ, ни деньщиковъ. Не только у солдатъ, но и у офицеровъ не было съ собою перемѣны бѣлья, ни какихъ-либо вещей. Обувь у многихъ находилась въ плохомъ состояніи, а чинить было негдѣ и нечѣмъ. Шли безъ дневокъ и ночевали въ полѣ, подъ жестокою непогодой и стужей. Однажды на походѣ, днемъ, Пенхержевскій донесъ Цесаревичу, что въ тылу отряда скопляется непріятель и замѣчено особенное движеніе войскъ. Его Высочество прискакалъ къ аррьергарду, обозрѣлъ мѣстность, избралъ позицію, ободрилъ свои войска и рѣшился дать отпоръ. Поляки, какъ видно, поняли, какая готовилась имъ встрѣча и отступили. На шестой или седьмой день похода получена была чрезъ адъютанта первая вѣсть отъ командира литовскаго корпуса барона Розена, который испрашивалъ у Великаго Князя приказанія о томъ, какія нужно сдѣлать распоряженія для подавленія возстанія. Вѣсть эта мгновенно облетѣла и обрадовала всѣхъ: пзмѣна литовскаго корпуса оказалась злостною выдумкою поляковъ ¹⁾. Наконецъ, послѣ двѣнадцатидневнаго похода, русскій отрядъ, 2-го декабря, переправился черезъ Бугъ у Влодавы и вступилъ въ границы Россіи, которую многіе

¹⁾ «Воспоминанія» М. К. Максимовича, стр. 33—34, и рассказъ барона А. О. Розена.

*

не надѣялись уже болѣе увидѣть. Полку велѣно было идти на Высоко-Литовскъ и далѣе черезъ Бѣловѣжскую пущу въ мѣстечко Свислочь ¹⁾, гдѣ и расположиться на зимовыя квартиры.

Путь черезъ заповѣдныя, вѣковѣчныя дебри Бѣловѣжи былъ въ особенности труденъ: узкая дорожка одиноко углублялась въ лѣсныя пустыни, которыя казались еще таинственнѣе и мрачнѣе отъ суроваго времени года; кругомъ глушь, дичь, иногда замерзлое болото и все лѣсъ и лѣсъ—высокій, густой, непроглядный, которому, казалось, и конца нѣтъ. На всемъ пространствѣ лѣснаго пути полку попалась одна только убогая корчма, пріотившая нашихъ уланъ на кратковременный отдыхъ. Изъ этихъ непривѣтливыхъ лѣсовъ полкъ вышелъ почти уже подъ самой Свислочью, въ десяти верстахъ отъ мѣстечка, куда прибылъ 24-го декабря. Тутъ-то вполнѣ почувствовали уланы что значитъ благодѣтельный отдыхъ послѣ подобнаго похода, совершеннаго въ такихъ условіяхъ, въ какихъ рѣдко приходится быть и въ самое трудное военное время ²⁾. И замѣчательно, что при этомъ все войска вели себя образцовымъ образомъ. Покрайней мѣрѣ, Цесаревичъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ, отдавая полную похвалу ихъ нравственности и кроткому обращенію съ жителями, свидѣтельствуешь, что «во время похода отъ Варшавы до предѣловъ Россіи, при самомъ стѣсненномъ бивачномъ расположеніи, войска сіи свято сохранили собственность каждаго и не допустили себя до какихъ-либо унижительныхъ для солдата поступковъ» ³⁾.

Уланы широко и удобно расположились въ большомъ и богатомъ мѣстечкѣ, которое со своимъ обширнымъ паркомъ графа Тышкевича, торговою площадью, украшеною высокимъ обели-

¹⁾ Гродненской губерніи, Волковыскаго уѣзда.

²⁾ Изъ разсказовъ В. Д. Лобанова.

³⁾ Приказъ Цесаревича въ войска, возвратившіяся изъ Варшавы, данный изъ штабъ-квартиры отряда, въ мѣстечкѣ Великой Брестовицѣ, отъ 6-го января 1831 г. за № 1. (Полк. арх. журн. вход. б. кн. № 393. ч. I.)

скомъ, каменнымъ гостинымъ дворомъ, каменнымъ зданіемъ гимназіи и пятью каменными арками на выѣздахъ — далеко оставляло за собою многіе уѣздные города западнаго края.

Отрядный штабъ расположился верстахъ въ двадцати отъ Свислочи, тоже въ одномъ изъ лучшихъ и торговыхъ мѣстечекъ этого края, Великой Брестовицѣ. Полкъ имѣлъ ежедневныя сношенія со штабомъ, высылая въ Брестовицу вѣстовыхъ и ординарцевъ; да и военно-летучая почта тотчасъ же установилась между всѣми частями отряда. Отсюда, около половины января Цесаревичъ, для военныхъ совѣщаній отправился въ Бѣлостокъ, гдѣ тогда временно помѣщалась штабъ-квартира главнокомандующаго арміей, графа Дибича. Одинъ взводъ нашихъ уланъ конвоировалъ дорожный экипажъ супруги Ея Высочества. Спустя нѣсколько дней по приходѣ полка на зимнія квартиры, въ Свислочь благополучно прибылъ пѣхотный резервъ, подъ командою ротмистра Докучина, который впрочемъ еще и не зналъ о томъ, что онъ уже «ротмистръ за отличіе». Съ прибытіемъ резерва, полкъ могъ считаться въ полномъ сборѣ, и здѣсь-то, осмотрѣвшись на покоѣ, проявилъ свои потери, начиная съ роковой ночи св. Сантурина. Оказалось, что въ Варшавѣ осталось у насъ 60 человекъ и 63 лошади, кромѣ убитыхъ и раненыхъ, при нападеніи подпорщиковъ на казармы. Между оставшимися находились: поручикъ Штейнъ 2-й, корнеты: Крипскій 1-й, Жандръ, Голембювскій и Мечниковскій, полковой священникъ отецъ Іоаннъ Кутневичъ и полковой штабъ-лекаръ Говоровъ ¹⁾. Девятнадцать лошадей брошено въ ветеринарномъ лазаретѣ, тридцать, какъ извѣстно уже, вышло изъ строя при нападеніи на казармы, шестерыхъ коней не успѣли, по недостатку людей, вывести изъ конюшенъ, да восемь пало отъ изнуренія во время похода. Весь музыкальный инструментъ, за исключеніемъ серебряныхъ

¹⁾ Всѣ они, за исключеніемъ Мечникова, возвратились къ полку по взятіи Варшавы.

трубъ ¹⁾, тоже не успѣли захватить съ собою, равно какъ и все принадлежности полковаго хозяйства.

Вскорѣ прибылъ къ полку изъ Варшавы юнкеръ Уланъ, и вслѣдъ за нимъ, захваченные въ плѣнъ мятежниками, писаря: Ѳедоръ Сѣдовъ, Петръ Ѳирсовъ и Иванъ Бабиновъ, отъ которыхъ полкъ узналъ много интересныхъ новостей. Оказалось, что корнетъ Мечниковскій и съ нимъ пять юнкеровъ и двѣнадцать унтеръ-офицеровъ изъ вольноопредѣляющихся, принадлежавшихъ по происхожденію исключительно къ польско-литовской шляхтѣ, передался на сторону мятежниковъ и все поступилъ въ повстанскую кавалерію, преимущественно въ уланскіе же полки; узнали также, что унтеръ-офицеръ Субботинъ, жертва собственнаго самоотверженія, умеръ отъ ранъ въ госпиталѣ, и что та же участь постигла еще нѣсколькихъ челоуѣкъ изъ раненыхъ въ ночь 17-го ноября; но интереснѣе всего было разсказъ юнкера Улана о его бѣгствѣ изъ плѣна.

Матвѣй Гавриловичъ Уланъ находился въ варшавской школѣ кавалерійскихъ юнкеровъ. Когда вспыхнуло возстаніе и бунтъ разлился уже по всему городу, онъ хотѣлъ бѣжать въ свой полкъ, чтобы предупредить, если еще не поздно, объ опасности и, во всякомъ случаѣ, присоединиться къ своимъ. Но все русскіе юнкера оказались запертыми на ключъ въ дортуарѣ, который помещался въ верхнемъ этажѣ школы. Не долго думая, Уланъ выбросилъ изъ окна на улицу нѣсколько тюфяковъ и самъ тѣмъ же путемъ кинулся внизъ. Паденіе совершилось благополучно. Отважный юнкеръ уже бѣжалъ къ своему полку, какъ вдругъ былъ перехваченъ на пути толпою мятежниковъ,

¹⁾ Изъ рапорта полка бригади. командиру г.-м. Кноррингу 2-му отъ 2-го августа 1831 г. за № 260 видно, что 22 серебряныя трубы съ изображеніемъ ордена св. Георгія отправлены были изъ Свислочи на сохраненіе въ Петербургъ, а 13 трубъ, серебряныхъ же, пожалованныхъ Государемъ Императоромъ въ 1830 г., оставались въ полку для всѣдневнаго употребленія. (Полк. арх. журн. пѣх. б. 1831 г.)

которые всю ночь таскали его за собою и продержали на бивуакѣ у арсенала до 20-го ноября, а потомъ сдали подъ арестъ въ ордонансгаузъ, или въ «Саксонскій домъ», какъ называли его тогда въ Варшавѣ. Здѣсь Уланъ очутился въ обществѣ своихъ сотоварищей—юнкеровъ и нѣсколькихъ офицеровъ. Прошло нѣсколько дней со дня его заточенія, и скучно, невыносимо скучно стало бѣдному Улану въ его неволѣ. Замѣтилъ онъ, что и другой юнкеръ тоже сильно скучаетъ. Этотъ другой былъ гродненскій гусаръ, графъ Роникеръ. Они сошлись между собою, подружались и задумали во что бы то ни стало бѣжать изъ плѣна. Но какъ это сдѣлать?... На помощь юношамъ явилась любовь. Была у одного изъ нихъ «коханка», одна изъ тѣхъ типическихъ варшавскихъ «паненокъ», которыя, не смотря ни на какія революціонныя бури и племенные ненависти, никакъ не могутъ преодолѣть своей слабости къ «москалямъ войскѣвымъ». Такія «паненки», отъ стародавнихъ временъ и до нашихъ дней, наперекоръ всему, никогда не переводятся въ веселой Варшавѣ. Оба юнкера рѣшились вести себя въ заточеніи какъ можно скромнѣе, чтобы получить репутацію благонадежныхъ, а вмѣстѣ съ нею право отпусковъ два раза въ недѣлю въ городъ, съ разрѣшенія караульнаго офицера. Вскорѣ имъ удалось достигъ желаемаго и, конечно, первымъ же дѣломъ направились они къ доброй «паненкѣ». Эта послѣдняя сердобольно вошла въ тяжкое положеніе молодыхъ людей и, убѣжденная ими, рѣшилась оказать имъ свою посильную помощь. Они вручили ей нѣкоторую сумму денегъ, по счастью, уцѣлѣвшую въ карманѣ, и на эту-то сумму благодѣтельная фея купила для нихъ въ магазинѣ готовыхъ вещей «цивильное» платье, которое пришлось почти впору. Но главнѣйшее затрудненіе состояло въ томъ, что юнкера, отпускаемые съ утра, строжайше были обязаны являться въ «Саксонскій домъ», непременно къ началу сумерковъ; бѣжать же изъ города среди бѣла дня не было никакой возможности. Рискуя головою, друзья рѣшились исполнить свой

замысль подъ покровомъ вечера,—и вотъ, на пятнадцатый день своего заточенія, 5-го (17-го) декабря, въ восемь часовъ, тихо и незамѣтно, съ чернаго хода, выходятъ они на улицу и пробраются къ своей «паненкѣ». Черезъ полчаса, уже переодѣтые, идутъ они прямо на почту и самоувѣренно требуютъ себѣ лошадей, объясняя, что оба они опредѣлены во вновь-формируемый въ Венгровѣ конный полкъ Кракусовъ и теперь должны ѣхать къ своимъ родственникамъ въ Бялы, для полученія на экиперовку денегъ. По счастью, имъ повѣрили и, за указанные прогоны, дали добрую пару коней съ крытою «фурманкой». Конечно, бойкое знаніе польскаго языка служило имъ при этомъ лучшимъ подспорьемъ и устранило на заставѣ всякое подозрѣніе на счетъ ихъ личностей. Такимъ образомъ, удалось имъ благополучно добраться до Бялы. Но здѣсь вдругъ новая и совершенно неожиданная бѣда! Столкнулся Уланъ на улицѣ со своимъ старымъ учителемъ, который сразу призналъ его въ лицо и, зная, что юноша служитъ въ русскомъ полку, совѣмъ ужъ хотѣлъ-было головою выдать его съ товарищемъ мѣстнымъ революціоннымъ властямъ. Уланъ однако не растерялся и хладнокровно, съ самымъ чистосердечнымъ видомъ сталъ объяснять педагогу, что онъ давно уже въ отставкѣ, и теперь, въ виду общаго патріотическаго настроенія, опредѣлился вмѣстѣ съ товарищемъ въ полкъ Кракусовъ. Учитель повѣрилъ и оставилъ юношей въ покоѣ. Предстояло еще одно, и не малое, затрудненіе: бѣглецы объявляли, что ѣдутъ въ полкъ Кракусовъ, а между тѣмъ надо было порядить фурмана къ русской границѣ, т. е. совѣмъ въ противную сторону. Это одно уже могло вызвать противъ нихъ новыя и весьма опасныя подозрѣнія. Но наконецъ, выискался какой-то бѣдный еврей, который согласился за хорошую плату отвезти ихъ къ берегу Буга. Поѣхалъ онъ съ вечера и не почтовою дорогою на Тирасполь, а малоѣзжими проселками, придерживаясь болотистыхъ низинъ рѣченки Крены, и подъ утро привезъ ихъ въ уединенную еврейскую корчму,

стоявшую на цустырѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ прирѣчной деревушки Непле. Здѣсь, по счастію, нашлась особая компанка. Поспѣшивъ нанять ее у корчмари, Уланъ оставилъ въ ней графа Роникера, который сильно разнемогся въ пути, а самъ нанялъ крестьянскую подводу и поѣхалъ берегомъ вверхъ по Бугу, выматривать не найдется ли гдѣ удобной переправы на русскую сторону. Цѣлый день продолжались эти поиски, пока-то наконецъ не разговорился онъ по душѣ съ подводчикомъ, и тотъ откровенно объяснилъ ему, что есть-де неподалеку деревушка Михальскѣво, гдѣ живетъ рыбакъ, онъ же и перевозчикъ, и что коли потолковать съ нимъ хорошенько, такъ авось-либо добрый человекъ и не откажетъ. Поѣхали въ Михальскѣво, нашли рыбачью хату, нашли и перевозчика, стали толковать, просить, уламывать и, наконецъ, Уланъ за послѣднія свои деньги уговорилъ его на рискованную переправу. Рыбакъ соглашался перевезти не иначе какъ въ ночное время, что, въ сущности, и для бѣглецовъ было гораздо удобнѣе. Солнце уже садилось и потому Уланъ успѣшилъ къ больному Роникеру. Расплатившись въ корчмѣ, отправились они съ тѣмъ же подводчикомъ къ рыбаку, и тотъ, около полуночи благополучно перевезъ ихъ черезъ рѣку въ своей утлой душегубкѣ. Тутъ уже, почувствовавъ себя въ безопасности, хоть и безъ копѣйки денегъ, счастливые своею свободою, иѣшкомъ побрели они къ Бресту, и веко-рѣ соединились со своими полками ¹⁾. Цесаревичъ, узнавъ

¹⁾ Матвѣй Гавриловичъ Уланъ, происходи изъ татаръ, унаслѣдовалъ отъ родителей своихъ и магометанскую вѣру. Но служба всю жизнь въ русскомъ полку, онъ до такой степени сжился съ русскою средою, что усердно исполнялъ все обряды православной церкви, за исключеніемъ, конечно, св. таинства покаянія и причащенія, и всегда строго наблюдалъ, чтобы люди лейбъ-эскадрона, которымъ онъ командовалъ, тоже исполняли обряды религіи. Когда товарищи замѣчали ему, зачѣмъ онъ не окрестится, Уланъ отвѣчалъ, что не дѣлаетъ этого единственно затѣмъ, чтобы не огорчить своихъ родителей и прибавлялъ: «хотя я не крещенъ водою, но духомъ я давно уже крестился». Разсказъ В. Д. Лобанова).

объ этихъ похощеніяхъ и признавая отважный поступокъ двухъ юношей доказательствомъ ихъ вѣрности своему нравственному долгу, ходатайствовалъ о производствѣ обоихъ въ офицеры, что и было вскорѣ исполнено ¹⁾).

Здѣсь будетъ уже кстати разсказать и о спасеніи нашего же полка корнета барона Ренне 1-го. Въ вечеръ 17-го ноября онъ находился въ театрѣ «Розмайтосци» (Rozmaitosci, Variété), ничего еще не подозрѣвая о событіяхъ вспыхнушаго возмущенія. Вдругъ вбѣгаетъ въ партеръ одинъ изъ возмутителей, поручикъ Добровольскій и, махая саблею, кричитъ отчаяннымъ голосомъ:

—«Поляки! Къ оружію!... Москали рѣжутъ, убиваютъ нашихъ!»

Тотчасъ же поднялся шумъ, замѣшательство, — все бросилось вонъ изъ театра. Нѣсколько иступленныхъ фанатиковъ кидаются на горсть русскихъ офицеровъ, случайно здѣсь паходившихся, и дѣло уже грозило немедленнымъ кровопролитіемъ, убійствомъ, какъ вдругъ, въ этомъ общемъ смятеніи встаетъ генералъ Хлопицкій, тоже случайно бывшій въ театрѣ, и энергично приступаетъ къ Добровольскому съ вопросомъ:

—«Кто васъ прислалъ сюда? Что значитъ этотъ крикъ?»

Тотъ начинаетъ оправдываться, но Хлопицкій, не слушая его, говоритъ:—«Ступайте вонъ отсюда! Я вамъ это приказываю!»

Добровольскій однако мѣшкалъ и продолжалъ подусѣкивать окружавшую его публику противъ русскихъ офицеровъ, убѣждая хоть арестовать ихъ, по крайней мѣрѣ.

—«Я вамъ говорю убирайтесь!» гнѣвно и рѣшительно крикнулъ на него Хлопицкій:—«Присутствующіе здѣсь офицеры находятся подъ моею защитою!»

¹⁾ Репортъ полка г.-м. Герштенцвейгу отъ 12-го Января 1831 г. за № 63, въ отвѣтъ на предписаніе отъ 8-го января того же года, за № 218, при чемъ представлено и подробное объясненіе юнкера Улана (Жури. вхѡд. бум. 1831 г.).

Это смѣлое и энергическое заявленіе генерала, справедливо пользовавшагося въ средѣ поляковъ уваженіемъ и авторитетомъ, заставило публику уступить его настойчивости. Смущенный Добровольскій поспѣшилъ теперь удалиться, уже безъ разговоровъ, и такимъ образомъ русскіе офицеры были избавлены отъ пльпа въ театрѣ.

Между ними было трое: кирасирскій поручикъ Симолинъ, нашъ Ренне и Лейбъ-Гвардіи Литовскаго полка подпоручикъ Оедоровъ. Выбравшись кое-какъ изъ «Розмайтосци» на Вержбовую улицу, они уже вышли на Краковское предмѣстіе, въ надеждѣ пробраться къ своимъ полкамъ, какъ вдругъ здѣсь замѣтила ихъ толпа уличной черни, смѣшанная съ солдатами, и буйно погналась за ними. Во слѣдъ имъ летѣли камни и раздавались выстрѣлы. Спасаясь отъ яростнаго преслѣдованія, трое офицеровъ скрылись въ первыя попавшіяся ворота и вбѣжали въ чью-то квартиру, прося изумленнаго хозяина укрыть ихъ на время отъ неустовой ватаги. вмѣстѣ съ ними вбѣжали туда еще двое какихъ-то людей, которые тоже просили защиты. То были русскій полковой лекаръ Коханскій и закройщикъ гвардейскихъ полковъ, 9-го класса Диннеръ. Честный человекъ, рискуя собственною головою, не отказалъ имъ въ гостепрѣимствѣ. Домъ этотъ принадлежалъ «Варшавскому Обществу Благотворительности» (Dobroczytnosci), гдѣ хозяинъ квартиры, нѣкто Юсіфъ Берцекеръ, занималъ должность письмоводителя. Не теряя ни одного лишняго мгновенья, онъ поспѣшилъ укрыть своихъ неожиданныхъ гостей въ одномъ изъ надежныхъ потайныхъ уголковъ обширнаго дома, гдѣ толпѣ не удалось ихъ отыскать, и когда наконецъ она отхлынула опять на улицу и удалилась съ Краковскаго предмѣстія къ арсеналу, Берцекеръ уже безопасно ввелъ офицеровъ въ свою квартиру и каждому изъ нихъ далъ переодѣться въ партикулярное платье изъ его собственнаго запаса. Послѣ этого онъ самъ проводилъ ихъ окольными глухими переулками на безопасный путь къ Бельведеру, и такимъ обра-

зомъ офицеры въ тотъ же вечеръ благополучно присоединились къ русскому отряду, а Коханскіи съ Динперомъ, благодаря все тому же Бернекеру, помѣстились, въ качествѣ больныхъ и подъ именемъ поляковъ, въ лазаретъ «Дома благотворительности», откуда, по прекращеніи уличныхъ беспорядковъ, первый поступилъ въ Уяздовскіи госпиталь, къ больнымъ и раненымъ русскимъ солдатамъ, а второй, въ числѣ плѣнныхъ, отправленъ былъ впоследствии въ Россію. Но Бернекеру не прошелъ-таки даромъ его великодушный поступокъ: въ началѣ января о немъ дозналися какъ-то революціонеры, тотчасъ же объявившіе его измѣнникомъ, вслѣдствіе чего ему угрожалъ уже арестъ и судъ; но онъ, благодаря счастливому случаю, успѣлъ предупредить эти послѣдствія своевременнымъ бѣгствомъ изъ Варшавы и кое-какъ добрался до Бѣлостока, гдѣ баронъ Розенъ, командиръ 6-го (бывшаго литовскаго) корпуса, принялъ въ немъ живое участіе и довелъ о его поступкѣ до свѣденія Государя. Бернекеру пожаловано было щедрое вознагражденіе ¹⁾.

¹⁾ Сообщеніе ген.-адъют. барона Розена въ главный штабъ войскъ Цесаревича Константина, отъ 7-го января 1831 г. за № 167. Предписаніе г.-м. Герштенцвейга въ Л.-Гв. Уланскій Цесаревича полкъ отъ 8-го января того же года, за № 223. Рапортъ сего полка г.-м. Герштенцвейгу отъ 12-го января 1831 г. за № 62, съ приложеніемъ объясненія корнета Ренне 1-го. (Полк. арх. журн. вход. и исход. бум. 1831 г.)